DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-485-497

Е. А. Андреева

«ПРЕНИЯ О ВЕРЕ» КАК СЮЖЕТООБРАЗУЮЩИЙ ТОПОС В ЖИТИЯХ КНЯЗЕЙ-МУЧЕНИКОВ ЭПОХИ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОГО ИГА

Аннотация: В данной статье рассматривается функционирование топоса «прения о вере» в трех текстах о гибели древнерусских князей (Василька Константиновича Ростовского, Михаила Всеволодовича Черниговского и Романа Ольговича Рязанского) в Орде в составе «Степенной книги». Данный топос имеет важное сюжетно-композиционное и идейное значение, дает возможность охарактеризовать как мучеников, так и мучителей. Являясь общим местом текстов о гибели князей, защитительные речи в каждом из рассматриваемых памятников сохраняют свои индивидуальные особенности и позволяют говорить о героях как о святых, т. е. служат необходимым элементом для создания житий.

Ключевые слова: топос, прения о вере, защитительная речь, жития князей-мучеников, святой князь, Степенная книга.

E. A. Andreeva

«DEBATE ABOUT FAITH» AS A PLOT-FORMING TOPOS IN THE HAGIOGRAHY OF PRINCES-MARTYRS OF THE TATAR-MONGOL YOKE'S EPOCH

Abstract: This article considers the functioning of the topos "the debate about faith" in three texts about the death of Old Russian princes (Vasil'ko Konstantinovich of Rostov, Mikhail Vsevolodovich of Chernigov and Roman Olgovich of Ryazan) in the Horde in *The Book of Royal Degrees*. This topos has an important plot-compositional and ideological significance, and also makes it possible to characterize both martyrs and torturers. Being a common place of texts about the death of princes, protective speeches in each of the texts under retain their individual characteristics and make it possible to talk about the heroes as saints, that is, serve as a necessary element for the creation of hagiography.

Keywords: topos, the debate about faith, protective speeches, the hagiography of the princes of the martyrs, the holy Prince, the *Book of Royal Degrees*.

В древнерусских текстах, рассказывающих о гибели князей в Орде и представляющих их мучениками за веру, авторы обращаются к традиции древних житий-мартириев, одним из сюжетообразующих

элементов которых был топос «прения о вере». Еще ранние тексты включали в себя судебные протоколы допросов, когда мученик давал ответ представителю власти. В этих документальных свидетельствах герои, готовые принять смерть, становились апологетами христианства и вступали в спор с мучителями-язычниками, доказывая превосходство своей веры и отказываясь служить идолам.

К примеру, в «Мученичестве Поликарпа» [1, с. 33–68], в котором речь идет о пострадавшем в Смирне во второй половине 150-х гг., написанном вскоре после смерти христианина, проконсул требует отступничества, говоря: «Усовестись своего возраста», «Поклянись фортуной Цезаря» (что обозначало признать Цезаря богом). Гонители требуют от мученика произнести фразу «Смерть безбожникам», т. е. пожелать смерти христианам, похулить Христа. Ожидающий мученической кончины Поликарп, защищая христианскую веру, вступает в прения, говоря: «Восемьдесят шесть лет я служу Ему, и никогда Он мне вреда не причинил. И как я могу хулить Царя моего спасшего меня?» Настаивая на своем, отстаивая право исповедовать веру во Христа, Поликарп решительно противопоставляет себя окружающим, отвечая: «Я христианин». Он также обещает научить неверных, заблуждающихся христианскому учению. Поликарп, как и другие древние мученики, лояльно относился к власти земной и готов был подчиняться как гражданин, но не признавал главенства государства в вопросе выбора веры. Поэтому нравственная позиция мученика — не оправдываться перед гонителями и остаться верным себе и христианству. Прения о вере продолжаются и непосредственно во время самих мучений, когда жертва обращается к Богу, ища поддержки и доказывая свою верность Иисусу Христу, восхваляя предтечу всех мучеников.

Древнерусские книжники усвоили традицию житий-мартириев в обеих их разновидностях — acta и passion [1, с. 24–26]. Поэтому, рассказывая о гибели князей, они старались перевести конфликт за рамки чисто политического контекста и представить его конфликтом вер. Так прения о вере становятся одним из сюжетообразующих элементов, а также являются, с одной стороны, способом характеристики главного героя-мученика, а с другой — его мучителей.

Несмотря на желание летописцев и агиографов создать образ князей-мучеников, защитников православия, остается общеизвестным

факт о лояльности монголо-татар к вере народов, оказавшихся под их властью. Ни Менгу-Тимур, во время которого в ставке погиб Роман Ольгович Рязанский, ни Узбек, во время правления которого был убит Михаил Ярославич Тверской, обвиненный агиографом в принятии ислама и ненависти к религии русского князя, не были более жестокими, чем их предшественники или последователи. А.Г. Юрченко утверждает: «<…> нет ни одного исторического доказательства "торжества ислама" на уровне структур повседневности. В таком случае утверждение "Золотая Орда — исламское государство" остается декларацией, ширмой, за которой скрыто не поддающееся описанию явление — свобода вероисповедания для всех религиозных групп, в том числе и мусульман» [4, с. 197].

Тогда возникает вопрос о целесообразности речи князя в защиту своей веры, если его религиозный выбор никто не критикует, не принуждает отказаться от православия в пользу другой религии, будь то тенгрианство или ислам. Есть те обычаи и традиции, которые русский князь, оказавшись в ставке хана, являющегося представителем власти, признанной на Руси, должен исполнять.

«Прения о вере» позволяют представить князя именно мучеником, сделавшим верный нравственный выбор, не подчинившимся давлению монголо-татар, оказавшим не физический, но духовный отпор противникам, т. е. вписать его подвиг в рамки жанра жития.

Так, в «Страдании блаженнаго князя Василька Ростовьскаго» враги охарактеризованы изначально как «безбожные», «окаянные», их вера «поганая», а обычаи «скверные», повеления «беззаконные». Увидев достойного и смелого врага, монголо-татары предлагают перейти на их сторону и воевать вместе с ними, но Василько Константинович Ростовкий на это не соглашается. Переход на сторону противника ассоциируется в тексте с принятием иной веры и отказом от своей, что вызывает необходимость произнесения яркой и эмоциональной речи, в которой будет говориться о преимуществах православия. Василько Константинович произносит следующие слова: «О, злое царство, темное и сквернавое! Или мните, окаяннии, любими быть от Бога, яко предаде насъ въ скверныя ваши руки, но убо насъ, вѣрующихъ Ему, всегда любя и милуя, нынѣ же праведными Его судбами и в настоящее сие скръбное время таковымъ наказаниемъ изволи очистити насъ отъ прегрѣшении нашихъ, и въ будущем вѣцѣ даруя намъ бесконечныи

животъ, его же ради никако же не можете мене отлучити отъ вѣры христианскиа. Аще нынѣ и велику бѣду приемлю отъ васъ, еже наведе ми Господь грѣхъ ради моих, вы же, окаяннии, кии отвѣтъ имате дати Богу, иже многи души погубили есте бес правды, их же Господь истяжаетъ отъ васъ, их же ради мучитися имате в негасимомъ огни въ вѣки бесконечныя?» [3, с. 501]. Уже в первых словах князя-мученика содержится оценка государства монголо-татар, захватчиков. Называя государство врагов злым, темным и скверным, герой осознанно вступает в конфликт с более сильным противником. После вступительной фразы, дающей общую характеристику монголо-татар, Василько Ростовский развивает общеизвестную традиционную мысль о том, что нашествие иноплеменных — это наказание за грехи русских людей, т. е. не благоволение Бога врагам, но стремление наказать отступивших от заповедей Христовых. Уже в этих словах князь четко делит людей на две категории: свои и чужие, мы и они, православные и неверные. Преимущество православия, по словам князя, заключается в жизни вечной, которую можно достичь, претерпев все мучения и страдания, так как телесное истязание несет за собой приобщение к сонму мучеников. Несмотря на случившееся, Бог на стороне православных, русских, проявляет свою любовь и милость, желая через страдания и лишения даровать «бесконечныи живот». Для Василька Ростовского существует точная оппозиция: его беда временна, а муки окаянных будут продолжаться «въ вѣки бесконечныя». Именно поэтому князь настаивает на том, что не отступит от христианской веры.

Речь Василька Ростовского — иллюстрация его же решения не покоряться врагу: начинается все с невыполнения обычаев монголо-татар, о которых говорится очень кратко и обобщенно, отказе принимать их пищу и питье, завершается же «прением о вере». Особенностью данного топоса в «Страдании блаженнаго князя Василка Ростовьскаго» является отсутствие прямого диалога: монголо-татары не наделяются прямой речью, поэтому их точка зрения всегда выражается черед авторские замечания о совершенных поступках: они увещевают, настаивают, повелевают, а после отказа «скрежетаху <…> зубы своими, желающе насытитися крови» [3, с. 501]. После апологетической речи русского князя и рассказа о реакции ордынцев в тексте приводятся слова молитвы будущего мученика к Богу и благодарности за возможность возвеличить имя Божие через мучение.

Учитывая сюжетно-композиционное своеобразие текста, следует отметить, что «прение о вере» имеет важное структурное и идейное значение. «Страдание…» представляет собой ряд следующих друг за другом эмоционально-напряженных эпизодов, среди которых выделяются: 1) встреча князя с монголо-татарами и предложение перейти на их сторону, 2) защитительная речь, 3) молитва и благодарность Богу, 4) мучение и смерть князя, 5) обретение мощей, 6) некролог. Элементы 1, 4, 5 организуют повествование, служат основой текста, передают основные действия персонажей, причем 4, 5 элементы показывают героя мучеником, прославляют князя как святого, 6 же эпизод раскрывает как гражданские, так и христианские добродетели Василька Ростовского. Элементы 2 и 3 являются ключевым звеном в прославлении мученического подвига князя, именно их наличие позволяет говорить о мучении за веру, лишенный этих элементов текст трудно было бы отнести к определенному жанру. Составители княжеских житий сознательно меняют вектор, уходя от политики к религии: враг должен быть врагом во всем. Проще представить его мучителем, а русского князя — мучеником, но не просто смиренно принявшим смерть, а совершившим верный нравственный выбор — решившим пострадать за веру, за Христа. Частые эмоционально-оценочные определения, сопровождавшие монголо-татар в летописях и ранних агиографических текстах, давали для этого почву: окаянные, нечестивые, безбожные — значит, иноверцы. Погибнуть в сражении для древнерусского князя не стыдно, но добровольно принять смерть, решиться на страдание во имя веры почетно.

Одним из самых натуралистичных и эмоциональных текстов об убиении русского князя в Орде можно считать «Страдание великаго князя Романа Ольговича Рязаньскаго въ Ордѣ за вѣру Христову». В нем также присутствует топос «прения о вере», однако апологетическая речь князя является ответом на обвинения неких, оклеветавших князя перед ханом: «Сеи великии князь Романъ хулить тебе, великаго царя, и вѣрѣ твоеи ругается» [3, с. 542]. Следствием этого обвинения становится повеление Менгу-Тимура «предасть его суровѣишимъ татаромъ на мучение» [3, с. 542], после чего татаро-монголы стали принуждать к принятию их веры. Недовольство хана носит прежде всего политические обоснования: русский князь не признает власти Менгу-Тимура, не соблюдает установленные законы. Однако в

житии-мартирии конфликт выводится за рамки чисто политического и представлен как конфликт вер, потому и понадобилась авторам сцена «прений о вере». Роман Ольгович в прямой речи, в отличие от Василька Константиновича, не рассуждает о причинах победы монголов, он лишь говорит о достоинствах православия и хулит веру врага: «Не достоит православнымъ христианомъ оставити истиннаго Бога непорочную вѣру и въслѣдовати обычаемъ бѣсовьскиа прелести, богомерскаго идолослуженииа сквернавыя и гнусныя вашея вѣры, ея же не токъмо не приимаю, но и оплеваю и проклинаю» [3, с. 542]. В первой части своей речи непорочной православной вере во истинного Бога рязанский князь противопоставляет скверную, гнусную, богомерзкую веру татаро-монголов. Четыре ярких оценочных определения характеризуют отношения героя к вере противников. Используя прием градации, автор в прямой речи князя показывает невозможность и нежелание его не только принять иную веру, но и уважительно относиться к обычаям захватчиков. Защитительная речь князя прерывается рассказом о его избиении, а продолжается еще одним утверждением: «Христианинъ есмь, и въистину свята есть христианьская вѣра. Ваша же татарьская вѣра погана есть и мрьзка» [3, с. 542]. Налицо четкое противопоставление: свое и чужое, христианская вера и поганая, а за этой антитезой скрывается более масштабная — русские и татары. Роман Ольгович не просто апологет православия и истинной веры, он говорит о невозможности сосуществования двух миров: нельзя признать над собой власть тех, кого не уважаешь. И, как бы ни старался автор перевести конфликт в противостояние вер, политическая основа противостояния видна даже в «прениях о вере».

Сближает речи Василька Константиновича и Романа Ольговича тот факт, что мнение врага выражается не в словах, но в поступках, поэтому герои вынуждены произносить длинные защитительные речи, а не вести диалог, прения в полном смысле этого слова. При этом речь Романа Рязанского более эмоциональна и конкретна (он рассуждает только о двух верах), более того, защита православия превращается в обвинение иной веры, поэтому герой не просто отстаивает право на выбор вероисповедания, но нападает на противника и осуждает выбор ордынцев. В речи Василька Константиновича, включающей в себя и рассуждение, и молитву, чувствовалось смирение, в словах рязанского князя ощутимы протест, неуважение к противнику.

В повествовании о гибели в Орде Михаила Черниговского и в «Страдании за христианы въ Ордѣ» Михаила Тверского князья совершают подвиг прежде всего гражданский, так как один желает «конечнее же и свою душю за люди Божиа положити и умрети за благочестие» [3, с. 586], а другой — пожертвовать «за други своя» [3, с. 584]. Именно эти жизненные установки и повлияли на наличие в текстах топоса «прения о вере». В рассказе о смерти Михаила Черниговского он присутствует в соответствии с византийским каноном в виде диалога, а в тексте о Михаиле Тверском отсутствует как таковой.

В соответствии с требованиями главный враг русских Батый представлен не только как иноверец, но и как осквернитель православной веры: «Тогда же злочестивыи Батыи по лютомъ плѣнении паки покушашаеся и души благочестивыхъ плѣнити, и пречистую церковь осквернити, и святую вѣру православную исказити, и свою скверную вѣру, оставшую главню прьсидскиа льсти, хотя ввести в Руси, еже бы послати мучителя и люди мучити не смѣяше, понеже велику сущю и многочеловѣчну царству Русьскиа земли» [3, с. 504]. Функция хана и его войска соответственно точно обозначена, значит, основной функцией русского князя станет защита поруганной веры. «Прения о вере» в данном тексте представляют собой длинную цепочку обвинений врагов и ответов мученика. Батый призывает волхвов, желая, чтобы те склонили Михаила Черниговского пройти сквозь огонь, поклониться кусту и солнцу, именно волхвы и будут обращаться к князю. Речь черниговского князя — ответ на принуждения волхвов: «Несдостоино есть христианомъ сквозѣ огнь ити и поклонитися твари паче Творца, но поклоняемся Святѣи Троицы Отцу и Сыну и Святому Духу, Иже есть единъ Богъ, Творець небу и земли» [3, с. 508]. Так Михаил Черниговский, с одной стороны, объясняет нежелание и невозможность соблюсти обычаи монголов, а с другой — учит своей вере, раскрывая ее основной постулат — веру в живоначальную Троицу. Автор оценивает поступок героя: своими решительными и наставительными речами он сумел посрамить противника и «повелѣние его попра, с ним же и самого диавола обруга и поганыхъ злочестивыя уставы яко ничто же положишася» [3, с. 508]. С точки зрения книжника, Михаил Черниговский одерживает верх в споре. Результатом защитительной речи князя является состояние волхвов, чувствующих свое унижение, они стыдятся и идут к Батыю, чтобы поведать

о произошедшем. Речь Михаила Черниговского они передают на свой лад, недословно, но сохраняя, не искажая общий смысл высказывания. Преисполненный ярости, хан также чувствует свое моральное поражение.

Желая изменить ситуацию, хан обращается уже не к волхвам (представителям религиозного культа), но привлекает для дальнейших прений государственного мужа, надеясь, что если не в вопросе веры, то в вопросе гражданского долга князь вынужден будет подчиниться. Не каждый смог бы справиться с подобной миссией, поэтому автор рассказывает о совершенном Батыем выборе: «стольник» Елдега сможет действовать и уговорами, и угрозами. Снова открыто не вступая в диалог, Батый через своего подданного передает свое послание. В словах хана и вопрос («почто повелѣние мое преобидѣлъ <…>») [3, с. 508] и увещевание. Осознавая власть над русским князем, Батый предлагает два варианта развития событий: поклонение идолам — жизнь и княжение в своих землях, отказ — смерть.

Ответная речь Михаила Черниговского включает в себя две основных мысли: князь готов поклониться царю, признать его превосходство и «длъжную честь въздати» [3, с. 508], так как признает правомочность ханской власти над русскими князьями по той причине, что «царствие» монголо-татар на русской земле «от Бога» (постулат апостола Павла из послания Римлянам). Подчиниться правителю — не значит нарушить Божьи заповеди, поэтому: «еще же Богу попустившю, и наше царство Русьское испровръже, и сице удобно ми есть почитати его» [3, с. 509]. Почитать хана «удобно» для русского князя, т. е. легко и разумно, правильно. Вторая мысль защитительной речи — повторение того, о чем Михаил Черниговский уже говорил волхвам: он отказывается поклоняться идолам. В данном случае мученик подкрепляет свои рассуждения ссылкой на авторитетный источник — пророка Иеремию: «Бози, иже не сътворишя небеси и земли, да погибнутъ» [3, с. 509]. А далее князь противопоставляет веру в истинного Бога и поклонение идолам: «Что бо сего безумнѣиши, еже оставити Творца и твари, в работу намъ, человѣкомъ, преданнои, поклонитися и та боготворити, досажение велие Божеству есть» [3, с. 509].

Для Батыя поклонение кусту и солнцу, прохождение сквозь огонь мыслятся как признание его власти и подчинение, для Михаила Черниговского — отступление от православной веры. Герои изначально

оценивают один и тот же поступок с противоположных позиций — отсюда и невозможность прийти к соглашению: это даже не вопрос выбора веры и не политический конфликт, а мировоззренческий, так как каждый из героев существует в своей системе координат.

Елдега вступает в прямой диалог с Михаилом Черниговским, и вторая его реплика — уже не переданные дословно слова хана. В речи русского князя он услышал слово «тварь», которое было антонимом слову «Творец», поэтому ханский подданный продолжает прения о вере: «И понеже солнце тварь именуеши?» [3, с. 509]. Солнце в культе монголо-татар играло большую роль, «ореолом сакральности было окружено <…> почитание небесных светил» [2, с. 205]. Наряду с огнем и землей, к которым обращались не иначе как Мать-Огонь, Мать-Земля, солнце тоже представлено как Мать-Солнце. Солнце, мать императора, воплощало идею правящего рода. Елдега требует от русского князя разъяснений, что может быть выше солнца, кто «сътвори таковое свѣтило великое, еже освѣщати всю поднебесную» [3, с. 509], т. е. задает вопрос о сущности православной веры. Михаил Черниговский предстает уже не защитником веры, но проповедником: он рассказывает о единосущной Троице и о сотворении мира, отвечая на поставленный оппонентом вопрос, называя Бога творцом неба и земли, всего сущего. Свой отказ подчиниться воле хана князь объясняет тем, что «уречено же бысть и узаконено человѣкомъ не покланятися ничему сътворенному <…>, но единому Богу <…> покланятися» [3, с. 509], т. е. это не самовольный поступок, но соблюдение религиозных требований.

Михаил Черниговский также отвергает «княжение и славу мира сего», поясняя это бренностью человека и приводя в пример самого Батыя: «и самъ царь дневенъ есть, и дневное обѣщаваетъ ми царствие» [3, с. 509]. «Дневное» (от дьнь — время, жизнь), т. е. временное, противопоставляется в речи князя царствию небесному, которому не может быть конца.

Диалог развивается далее: от вопросов Елдега переходит к увещеваниям, начинает устрашать: если Михаил Черниговский не передумает и не подчинится воле хана, то погибнет. Это уже не спор, а призыв позаботиться о своей жизни, о которой князь сказал ранее: для него, как и для мучеников за Христа, жизнь вечная является сознательным выбором. Завершающая реплика князя утверждает верность православию и своим принципам.

Елдега, как и волхвы, передает речь русского князя Батыю, при этом, в отличие от волхвов, добавляет свои впечатления от услышанного: якобы князь не только отказался поклониться «богам» татаро-монголов, но и осуждает всех, кто в них верует. Более того, посол обвиняет Михаила Черниговского в критике хана, т. е. говорит о проявлении гражданского неповиновения. Реакция Батыя, изначально представленного в тексте жестоким правителем, очевидна: «сиа же глаголы яко възбѣснѣвша от ярости царя сътвориша, и яко же нѣкии пламень огненый великъ, развѣваемъ из долу вещи нѣкоей, подгнѣщающе его» [3, с. 511]. Злость и ненависть — основная реакция Батыя, выражающаяся через гиперболы и сравнения, ярость подобна пламени, сжигающему все живое. Но хан снова «безмолвствует», автор не наделяет своего героя прямой речью.

Перед мучением Михаил Черниговский произносит последние слова, являющиеся элементом прений о вере: «Не хощу словомъ именоватися «христианинъ», а дѣла творити поганыхъ» и «Примите славу свѣта сего. Аз же не хощю» [3, с. 511]. Наличие обеих реплик не случайно и символично: в них князь предстает защитником веры, отказывается от славы земной и принимает мученический венец. Это итог прений о вере, в которых он не изменил своей позиции.

Данная кульминационная сцена, представленная в форме диалога Михаила Черниговского с представителями хана, важна не только для определения сущности подвига князя, но и для характеристики персонажей. Наличие послов (волхвов и Елдеги), передающих волю и слова хана, добавляют тексту драматизма и динамичности. Ни волхвы, ни Елдега не наделены собственной волей: их слова — слова Батыя, которые они передают и безоговорочно принимают на веру. Реплики Михаила Черниговского идут от души, им никто не руководит, его выбор определяется исключительно его нравственной позицией и верой во Христа. Прения о вере, хоть и представленные в данном тексте канонично и подробно, имеют тот же результат — духовная победа князя, несмотря на последовавшую гибель.

Почему же каждый из трех князей, погибших в Орде, вступает в прения о вере? Цель книжников — представить героя именно мучеником за веру, тем более что историческая ситуации, казалось бы, это позволяет: монголо-татары исповедуют иную религию, поклоняются своим богам. И хоть древнерусские летописцы и агиографы принима-

ют постулат о том, что вся власть от бога, ордынцы воспринимаются как захватчики, враги. Русские князья остаются покорными власти «царя ордынского», но цель авторов — сделать их героями, возвысить. Защита веры (а позже к ней присоединятся иные аспекты подвига) станет тем самым неоспоримым элементом их поступка, который не вызывает двусмысленного отношения или осуждения. Книжники искали новый тип героя, и им становится князь-мученик, тем более что образец поведения раннехристианских мучеников усвоен из переводной литературы.

При этом очевидно, что составители «Степенной книги», в составе которой находятся рассматриваемые тексты, не подвергали летописные и житийные источники полной унификации, так как при общности идейной речи героев индивидуализированы. Слова Василька Константиновича, Михаила Черниговского и Романа Ольговича похожи по своей сути, но при этом воссоздают характер того князя, которому они принадлежат:

— многословный и степенный Василько Константинович, покорный Божьей воле, действующий осознанно (не случайно в некрологе одним из его качеств названо «доброумие»);

— настойчивый, уверенный в своем выборе Михаил Черниговский, желающий не просто отстоять свою веру, но и поведать о ней;

— эмоциональный, горячий Роман Рязанский.

Хоть «прения о вере» и являются общим местом житий князей-мучеников, однако же в каждом из текстов приобретают свои характерные черты. Во всех трех рассмотренных случаях князья не говорят напрямую с ханом (предстающих в текстах главными мучителями), всегда есть трансляторы, и если в ситуации с Михаилом Черниговским они названы (волхвы и Елдега), то в ситуации с Василько Ростовским и Романом Рязанским это собирательный образ монголо-татар, которым отвечают князья. Именно поэтому речь главных героев принимает форму либо диалога, либо монолога. Монолог Василька Константиновича развернутый, включает в себя обличение веры противника, прославление православия, размышления о природе и сущности власти ордынцев над Русью, молитву к Богу и благодарение Ему. В то время как Роман Ольгович в большей степени в достаточно резкой и краткой форме высказывается об обычаях и вере монголо-татар. В своих защитительных речах и Михаил Черни-

говский, и Василько Константинович признают власть хана (Батыя), а Роман Рязанский отказывается подчиняться власти Орды. Здесь важна хронология описанных событий: ростовский и черниговский князья — одни из первых мучеников, которые погибают вскоре после нашествия в 1238 и 1246 гг. соответственно. В это время господствует модель отношений властвование и подчинение. Отношение родившегося уже во время татаро-монгольского владычества Романа Ольговича к монголам определяется общим представлением о них как о захватчиках, врагах, жестоких по отношению к завоеванному народу, теперь начинает проявляться иная модель — сопротивление и подавление. В каждой из защитительных речей русский князь высказывает свою позицию по отношению к ордынцам: Василько Ростовский грозит монголо-татарам вечными муками, Михаил Черниговский в большей степени рассуждает о достоинствах православной веры и через эти размышления говорит о ее отличии от веры противников, но не хулит врагов и смиряется со своей судьбой, Роман Рязанский проклинает монголов.

Таким образом, с точки зрения сюжета и композиции «прения о вере» — основной элемент сюжета житий мучеников, связывающий тексты с древней традицией, с точки зрения создания образов — яркий элемент характеристики персонажей, вступающих в диалог открыто или же через посредников.

Древнерусские книжники не находят иной формы прославления князей, кроме житийной, а для создания агиографического текста нужно иметь обоснования: главный герой должен быть признан святым. Поездка князя в Орду и смерть не делали героя таковым, так как были свидетельствами внешней политики, а мучение за веру представляли князей христианскими мучениками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Ранние мученичества. Переводы, комментарии, исследования. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2017. 384 с.

2 *Рыкин П.О.* «Обряд перехода» в системе русско-монгольских отношений середины XIII в.: Семиотические аспекты межкультурной коммуникации // Историческая психология и ментальность. Эпохи. Социумы. Этносы. Люди. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1999. С. 201–216.

3 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. 598 с.

4 *Юрченко А.Г.* Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2017. 400 с.

REFERENCES

1 *Rannie muchenichestva. Perevody, kommentarii, issledovaniia* [Early martyrdoms. Translations, commentaries, researches]. St. Petersburg, ITs "Gumanitarnaia Akademiia" Publ., 2017. 384 p. (In Russian)

2 Rykin P.O. "Obriad perekhoda" v sisteme russko-mongol'skikh otnoshenii serediny XIII v.: Semioticheskie aspekty mezhkul'turnoi kommunikatsii ["Rite of passage" in the system of Russian-Mongolian relations of the middle of the 13th century: Semiotic aspects of intercultural communication]. *Istoricheskaia psikhologiia i mental'nost'. Epokhi. Sotsiumy. Etnosy. Liudi* [Historical psychology and mentality. Eras. Sociums. Ethnoses. People.]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet 1999, pp. 201–216. (In Russian)

3 *Stepennaia kniga tsarskogo rodosloviia po drevneishim spiskam: teksty i kommentarii* [The Power book of the Royal genealogy according to the oldest lists: texts and comments]. Moscow, "Iazyki slavianskikh kul'tur" Publ., 2007. Vol. 1. 598 p. (In Russian)

4 Iurchenko A.G. *Khan Uzbek: Mezhdu imperiei i islamom (struktury povsednevnosti)* [Uzbek Khan: Between Empire and Islam (the structures of everyday life)]. St. Petersburg, EVRAZIIa Publ., 2017. 400 p. (In Russian)

Об авторе / About author

Екатерина Александровна Андреева — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

Ekaterina A. Andreeva — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru